

автор летописца, которым считается епископ Евсигиний, по сравнению со своими предшественниками высказывается об ордынской зависимости в целом более нейтрально.

Автор летописной записи начинает свой рассказ с планов хана, а затем отмечено, что хан направил послов к «Заднѣпрѣскимъ княземъ, и ко Вольнскимъ... веля имъ поити с собою на войну». Объясняет летописец данное требование суверенными правами верховного правителя, которым по отношению к русским княжествам является ордынский хан: «Тогда же бяху вси князи в неволѣ татарской».

Далее в летописи движение ордынских войск во главе с ханом описано лаконично и уместилось в несколько строчек. Однако о князьях заднепровских летописец более не упоминает. Оказывается не вполне ясным состав участников коалиции князей, привлеченных ханом к решению его внешнеполитических задач.

Тем не менее автор соответствующей части Галицко-Вольнской летописи (летописца Владимира Васильковича епископа Евсигиний) еще два раза говорит о заднепровских князьях. При описании похода рати Ягурчина, направленной «великим цареви Меньгутимереви» по просьбе князя Льва Даниловича на Литву в 1274/1275 г. он отмечает: «Менгутимерь же да ему рать и Ягурчина с ними воеводу, и заднѣпрескыи князи всѣ да ему в помочь, Романа Дьбряньского и сыномъ Олгомъ, и Глѣба князя Смоленского, иныхъ князей много. Тогда бо бяху вси князи в воли в тотарской». Чуть дальше автор, описывая детали военных действий, поясняет, что ордынцы под Новгородком особенно ожидали князей с востока Днепра «воюя по Полѣсью». Но «ни Романъ, ни Глѣбъ, тии князи Заднѣпрѣсци, но токмо и одинъ Олегъ, сынъ Романовъ, притягль». Надо отметить, что позже подошли армии и князей Глеба Смоленского и Романа Брянского.

Таким образом, для автора данной записи заднепровских князей было «иныхъ князей много», но несомненно, что таковыми являлись смоленский и брянский князья. На момент 1274/1275 г. смоленский стол занимал князь Глеб Ростиславич, а брянский — князь Роман Михайлович. В походе также участвовал сын князя Романа Олег.

Надо полагать, представления летописца о составе заднепровских князей к 1287/1288 г. не изменились. Тем более обоснованно мы можем об этом говорить в связи с тем, что автор не посчитал необходимым расшифровать состав этих князей, ибо, по всей вероятности, счел, что вполне достаточно более раннего упоминания о заднепровских князьях и их перечисления.

Таким образом, в летописце Владимира Васильковича (1272–1289 г.), который является частью Галицко-Вольнской летописи, отразились представления автора о степени суверенитета ордынского хана над русскими княжествами: «Тогда же бяху вси князи в неволѣ татарской». Данный аспект, несомненно, напрямую относился к князьям Вольни и Галича. Однако автор данной части летописи оговаривает участие во внешнеполитических военных акциях Орды заднепровских князей (владельцев княжеств к востоку от Днепра), которых «иныхъ князей много». Причем организатором данных акций в двух упомянутых эпизодах выступала верховная ордынская власть в лице великого хана Менгу-Тимура (в 1274/1275 г.) или хана Тула-Буги (в 1287/1288 г.). Анализ свидетельств летописи позволяет говорить, что среди заднепровских князей, которых привлекали ордынские ханы к решению военных задач на западных границах своего государства, были князья смоленского и брянского княжеских домов. Надо полагать, к участию в походах могли быть привлечены и другие князья раздробившейся Черниговской земли. Однако кто из князей и в каком составе участвовал в походе на Польшу зимой 1287/1288 г., реконструировать не представляется возможным из-за обрывочности сохранившейся в источниках информации. Можно только с достаточной уверенностью предполагать, что участниками похода были князь Андрей Михайлович, племянник и наместник смоленского князя Федора Ростиславича, и князь Олег Романович, сын и наследник брянского князя Романа Михайловича.

А. А. Селин (НИУ ВШЭ СПб)

КОРОЛЕВСКИЕ ПОЖАЛОВАНИЯ ПОД СМОЛЕНСКОМ: СЛУЧАЙ РЖЕВСКИХ¹

Королевский лагерь под Смоленском осенью 1610 — весной 1611 г. был центром принятия решений в Московском государстве [Флоря]. В поисках «прирожденного государя» служилые люди устремлялись к королю Сигизмунду и нареченному царю Владиславу. Смоляне, ухившие от ставшего местным диктатором воеводы боярина М. Б. Шеина, стремились выказать лояльность новому государю. С августа 1610 г. началась работа традиционных для московской приказной культуры учреждений, чего-то наподобие Поместного приказа: просители наделялись поместьями и денежным жалованьем.

В годы Смуты процесс раздачи поместий и их мобилизации был чрезвычайно полицентричен. Видимо, с 1604 г. и, во всяком случае, с 1605 г. в стране одновременно существовало более одного центра власти, бравшего на себя, в частности, функцию поместной раздачи (что, в принципе, противоречило самой идее поместья — условного держания земельного участка за службу государю). Позднее грамоты на поместья и, в меньшей степени, вотчины выдавали не только все «государы», но и многие военачальники. Еще Л. М. Сухотин доказал, что грамоты на поместные дачи выдавались даже Станиславом Жолкевским в августе 1610 г. [Сухотин, с. XI–XII]. Тем более такие дачи стали производиться после прихода под Смоленск Сигизмунда.

Дающие об этом информацию источники обладают следующими признаками:

- 1) небольшой хронологический интервал (сентябрь 1609 — июнь 1611 г.);
- 2) неплохая сохранность и компактность во времени и месте. Кроме того, эти источники достаточно давно и хорошо введены в научный оборот. Вместе с тем существует одно аналитическое исследование этого круга памятников [Беляев] и большая аналитическая статья публикатора части этих источников Л. М. Сухотина;
- 3) в отличие от документов других дворов, хронологическая компактность позволяет дать исчерпывающую характеристику работы канцелярии с московскими людьми. Подобная сохранность для тушинского двора и для его подразделений не наблюдается.

¹ Работа написана в рамках проекта РФФИ № 16-01-12012в «Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного: электронная база данных и историческое исследование».

Документы, связанные с королевскими пожалованиями под Смоленском, сохранились в составе Литовской метрики (ныне в РГАДА; во всяком случае, те тексты, что были опубликованы в 1851 и 1913 г.), а также в составе так называемого «Смоленского архива», военного трофея шведской армии в годы польского Потопа (ныне распылены преимущественно между «Смоленским архивом» в Riksarkivet, Stockholm, и коллекцией Соловьева в архиве СПбИИ РАН). Все эти документы — результат достаточно сложной работы литовских писарей и московских приказных по упорядочению жизни Московского государства, по его нормализации. Еще Л. М. Сухотин отмечал роль Льва Сапеги как организатора такой нормализации. Полагаю, именно великий канцлер литовский, в архиве канцелярии которого и сохранились документы о королевских пожалованиях под Смоленском, вел наиболее серьезную работу по включению западных территорий Московского государства в орбиту литовской бюрократической культуры либо в качестве новых поветов ВКЛ, либо (и таков, вероятно, был дальний прицел Льва Сапеги) в качестве организующегося на востоке союзного ВКЛ Московского государства.

Среди челобитчиков, чьи просьбы разбирались под Смоленском, были две основные категории московского люда — члены Государева двора (участники посольства митрополита Филарета и князя В. В. Голицына) и те, кто курсировал между Москвой и Смоленским лагерем, а также дворяне Смоленского и окрестных уездов. Следует привести большую подборку челобитных от дворян Ржевских и их родственников. Один из представителей Ржевских, Иван Никитич, был, судя по всему [Тюменцев], тушинским боярином; после бегства Вора в Калугу он примкнул к сторонникам короля.

В «Смоленском архиве» сохранилось в общей сложности 11 челобитных Ржевских на имя короля и нареченного царя Владислава, а также одна челобитная на имя великого канцлера литовского Льва Сапеги. В качестве челобитчиков непосредственно или косвенно выступали более 15 представителей этой фамилии, среди которых были как те Ржевские, кто вошел в Государев Двор при Тушинском воре, так и те, кто лишь претендовал на такое вхождение. Самые видные представители фамилии, Иван и Григорий Ржевские, были среди тех, кого уже в августе 1610 г. С. Жолкевский отправил из Москвы к королю под Смоленск. Старший из братьев, Иван Никитич, претендовал на подтверждение боярского чина, полученного в Тушине. Остальные Ржевские искали себе также повышения в чинах и закрепления за ними отнятых владений. Младшие представители рода были как раз помещиками западных уездов (Дорогобужского); опираясь на высокий чин и не менее высокие претензии родственников, они пытались закрепить за собой поместья близ Смоленска, наряду с другими помещиками этой области. Все челобитные Ржевских корреспондируют с записями о земельных дачах и иных пожалованиях, осуществленных в королевском лагере.

Литература

Беляев И. С. По поводу одного из источников Смутного времени. О пожаловании «деревнишек» // Старина и новизна. 1914. Т. 17. С. 45–56.

Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изданные Императорским Обществом истории и древностей российских при Московском университете. М., 1912. Вып. 8. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. / Под ред. Л. М. Сухотиной. [Сухотин]

Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

А. В. Сергеев (ИПБОТСП)

КНЯЖЕСКИЕ ФАМИЛИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVI–XVII в.

В ходе объединения русских земель в единое государство на службу Москве переходили князья Ростовского, Суздальского, Ярославского, Белозерского и других регионов Северо-Восточной Руси, князья Юго-Западной Руси, возводившие родословную к Рюрику и Гедимину, а также представители татарской и кавказской знати. Образование значительной социальной прослойки из титулованных родов является одной из особенностей истории Московского государства, и при изучении происходивших в нем социально-политических процессов исследователи разных поколений занимались уточнением биографий, определением общественного положения, характера землевладения отдельных представителей княжеских фамилий. Однако общее количество, примерный численный состав, различия социального статуса, время существования княжеских фамилий выяснены не были. Ответы на указанные вопросы предлагаются автором настоящего сообщения на основе информации «Бархатной книги»¹, «Дворовой тетради»², боярских списков XVI–XVII в.³, разрядных⁴, вкладных монастырских⁵ книг и других источников. Под княжеской фамилией понимается передававшееся на протяжении жизни двух и более поколений наименование семьи, использовавшееся современниками для определения ее принадлежности к линии или ветви рода Рюриковичей, Гедиминовичей и др.

Православных княжеских фамилий в Московском государстве насчитывалось около 150–160. Среди них были следующие группы: Рюриковичи Северо-Восточной Руси (около 80 фамилий); Рюриковичи Юго-Западной Руси (около 50 фамилий); потомки великого князя Литовского Гедимина (8 фамилий). Отдельную группу («князья

¹ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... М., 1787. Ч. 1. С. 28–239; Ч. 2. С. 58–85, 162–180, 213–217, 235–253.

² Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.

³ Боярские списки 1577–1607 гг. // Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004. С. 191–318; Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах... М., 1853.

⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 1–2; М., 1978. Т. I. Ч. 3; М., 1982. Т. II. Ч. 1–3; М., 1984. Т. III. Ч. 1–2; М., 1989. Т. III. Ч. 3; М., 1994. Т. IV. Ч. 1; М., 2003. Т. IV. Ч. 2; Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974.

⁵ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.

